

УДК 81`373=811.512.145

Денмухаметова Э.Н.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ЗООНИМЫ И ФИТОНИМЫ В ТАТАРСКИХ ПАРЕМИЯХ

Работа выполнена в рамках исследовательского проекта РГНФ

(№ 09-04-29404 а /В/ 2009)

Паремии, или произведения афористических жанров, охватывают всю совокупность образных устойчивых народных изречений. Они составляют одну из ценнейших составных частей фольклора, и с древнейших времен играли важную роль в духовной жизни народа, имеют большое познавательное, идейно-воспитательное и эстетическое значение. В них нашли художественное воплощение богатый жизненный опыт и мировоззрение народа, его нравственные идеалы и нормы гуманистической морали.

Общеизвестна высокая оценка роли паремиологии в духовной жизни этноса. Например, пословицы и поговорки составляют "фольклорный пласт"-культурно-языковую систему, содержащую уникальную древнюю поэтику, основанную на метафоризме, и сконцентрированную народную мудрость во множестве емких смысловых формул, отразивших все аспекты обыденной и духовной жизни многих поколений.

«Паремии – жемчужины национального языка, свидетельствующие о его богатстве и красоте. Именно к ним восходят истоки художественного слова» [Махмутов 1995: 3]. Паремиология любого языка представляет собой ценнейшее лингвистическое наследие, является одним из способов языкового мирозидения. Благодаря ей можно узнать настоящее, проникнуть в прошлое не только языка, но и культуры и истории говорящего на нём народа. Это свидетельствует об этнической специфичности паремиологии того или иного народа, а её исследование выявляет конструктивные черты национальной ментальности, даёт потенциальную возможность использовать полученные результаты в практических целях. Премии воссоздают образ мира определённого этноса, отражают его менталитет, "как свет утра отражается в

капле росы" [Ларин 1977: 156], ведь за ними стоит многовековая история масс с большим стандартизованным опытом.

Паремийные формулы этнически своеобразны, полифоничны по смыслу и полифункциональны по использованию. Среди них притчи утилитарно-прагматического характера, емкие формулы, объясняющие многие аспекты социальной жизни, консерванты религиозного опыта, моральные сентенции и поучения, метафорические изречения, резюмирующие и вечные истины бытия, и многочисленные практические рецепты поведения, передаваемые другим поколениям в качестве назидания. По сути это социальные стереотипы в форме традиционных языковых когнитивно-смысловых конструкций .

Универсальность отражённого в паремиях духовного, социального и бытового опыта делает паремиологию весьма привлекательным объектом для исследовательских работ. Поэтому изучение этнического своеобразия живой и неживой природы в татарской паремиологии также показывает интересные результаты.

В фольклорных текстах охватываются все стороны общественной, хозяйственной, семейной и телесной жизни людей и природных явлений. Живая природа, в первую очередь, олицетворяется ее обитателями: людьми, представителями флоры и фауны. Через их качества, характеристики и взаимоотношения также можно составить "паремиологический портрет" татарского народа. Его черты передаются в этих характеристиках разными лексическими способами.

В татарских паремиях занимают особое место те, в которых участвуют животные и птицы. Видимо, такая популярность связана с тем, что именно они были самыми близкими соседями наших предков. Поэтому люди пытались передать им свойственные самим качества и черты характера.

Лексический материал, собранный из татарских паремий, свидетельствует о том, что доминирующими являются предметы, широко распространенные в природе, и используются не только в татарском фольклоре.

В животном мире это **ат** //лошадь, **аю**//медведь, **бүре**//волк, **төлке**//лиса, **куян**//заяц, **тавык**//курица, **этэч**//петух и др.

Лошадь издревне считалась первым помощником крестьянина, так как в хозяйстве была незаменимым орудием труда, транспортом, показателем состоятельности и гордости. Это можно увидеть также из паремий, в которых она характеризуется с разных сторон: *Жирэн атым кешидер, үлэн төбөн тешидер (741)*// Рыжая лошадка ржет, дно зелени грызет; *Тимер ат жүр сөрә, ашарга сорамый (773)*//Железная лошадка землю пашет, а кушать не просит; *Алтмыш атка бер йөгән (2097)*//Шестидесяти коням одна повозка; *Ат белән ишәк ярышмас (2484)* // Конь с ослом не будет состязаться.

В фольклорных текстах встречаются следующие названия лошадей: *ат* //лошадь, *айгыр* //жеребец, *алаша* //мерин, *аргамак* //скакун, *толпар* //быстроногий конь, *юртак* // рысак, *юрга*//иноходец, *бия* // кобыла, *колын* //жеребенок, *тай* // жеребенок, *байтал* //трехлетняя кобыла. Все они имеют свою эмоциональную окраску. Например, для описания мерина часто используется прилагательное *карт* (алаша) // старый и он встречается в текстах как антоним жеребцу: *Ашарга карт алаша, тартырга – тай (2774)*// Для еды старый мерин, для обоза – жеребец.

Для характеристики лошадей в паремиях используются такие качества, как *яхшы*// хорошая, *жүтез* // проворная, *чыдам* // выносливая, *юаи* // безропотная, *чыгымчы* // норовистая, *яман* // плохая, *үшән* // ленивая, *туры* // верная. Положительных характеристик лошадей больше, чем отрицательных.

Все звери и животные, имеющее место в паремиях, являются аллегорическими образами и описываются с теми определенными качествами, которые свойственны человеку. В текстах эти образы думают и действуют подобно человеку. Так, лиса олицетворяет хитрость, заяц – трусость, медведь – добродушие и силу, овца – глупость, осел – упрямство, лев – мужество, храбрость, властолюбие, волк – алчность, кровожадность и т.д. [Курбатов 1995: 87]. Например, *Аю сыртына алма ябышкан (2112)*//На спине медведя яблоко слипла; *Баз эчендә аю улый (2987)*// В погребке медведь воет; *Бүре бер эздән*

йөрер (2139)// Волки ходят по одному следу; *Халык узып бара, төлке ятып кала* (2117)// Народ проходит, лиса остается лежать; *Айны болып каплаган, куян балта саплаган* (2920)// Облако закрыла луну, а заяц насадил на черенок топор; *Арыслан ау тапмый кайтмас* (2034) // Лев без добычи не вернется и т.д.

Однако такие трактовки аллегорических персонажей не всегда сохраняются. Например, по словам Ф.Урманчеева, в фольклоре тюркоязычных народов, в том числе и татар, образ волка или благородного Белого волка занимает особое место. Его сопоставляют с действиями богатыря. [Урманчеев Ф. И. 1994: 72]. “Аллегорический образ волка олицетворял у тюрков когда-то именно те благородные качества (силу, храбрость, гордость, непокорность), присущие мужчине...” [Махмутов 1995 :51]. Они отражаются и в поговорках: *Буре да күршесенә тими* (2142)//И волки соседей не трогают; *Эт булып кол булганчы, буре бул да азат бул* (2206) //Чем быть как собака рабом, лучше быть волком и свободным; *Санаган малны буре алмый* (2199)// Скот на пересчет волк не трогает.

Целый ряд поверий у древних тюрков был связан с 12-летним животным календарем, которым они пользовались в течение многих веков. Годы эти, как было зафиксированы в словаре Махмуда Кашгари (11 в.), носили такие названия: **Сычкан** – Мышь, **Уд** – Корова, **Барс** – Тигр, **Тавышган** – Заяц, **Нек** – Крокодил, **Йылан** – Змея, **Йунд** – Лошадь, **Кой** – Овца, **Бишин** – Обезьяна, **Такагу** – Курица, **Эт** – Собака, **Тоңуз**- Свинья [Махмутов 1995:17]. Как видим, некоторые названия животных в настоящее время являются архаизмами, однако они сохранились в исследуемых фольклорных текстах. *Дүрт аяклы кара куй, төрекәсе артында* (2228)// Четырехногая черная овечка, сзади - трубка (имеется);

Уд мөгезенә кар эләкми (3191)// В рога коровы снег не попадает; *Яхшы йунд тәртә арасыннан китте* (2719)//Хорошая лошадь уходит (здесь: умирает) в оглобле.

Известно, что раньше этими же именами назывались и дни. Однако названия дней по животному календарю в татарских поговорках сейчас не

фигурируют, а вместо них используются арабские и персидские названия, вошедшие в обиход после принятия ислама.

В представлении татар годы животного календаря делились на счастливые и несчастливые. Такая оценка предсказывалась воображаемой природой и характером животного, чье название носил тот или иной год. Иначе говоря, эти представления имели магическую основу, и с ними, прежде всего, связано происхождение многих поверий. Например, *Тычкан һәм Елан елларында һава жылы булыр* // В год Мыши и в год Змеи погода будет теплой; *Куян елы ачлык булыр* // В год Зайца будет голод; *Барс елы бары чыгар, һич булмаса тары чыгар* // В год Тигра все уродится, хотя бы просо уродиться.

В число животных, служащих у татар для предугадывания будущего, включают мышь. Культ мыши был широко распространен и у древних тюрков, как, впрочем, у многих восточных народов. Какая вещь (одежда и т.д.), на каком месте, каким образом, в какой день была прогрызана мышью – вот те основные признаки, которые использовались для предсказания в древнетюркских поверьях. [Махмутов 1995:17]. *Тычканнар, күселәр ояны тирән казыса – кыш суык* (17819) // Если мыши и крысы глубоко роют нору – зима будет холодной.

В татарских паремиях так же очень часто упоминаются домашние питомцы - *мәче* // кошка и *эт* // собака. Согласно энциклопедическим определениям, такие животные, как тигр, кошка и лев, относятся к одному таксону, а именно – кошкам. Кошка – это прежде всего домашнее животное, а двух других можно увидеть только в зоопарке. Зафиксированная в языке действительность в отличие от научной картины мира антропоцентрична, т.к. именно человек является познающим субъектом. Идея осмысления человеком самого себя, своего места среди природы, развития человеческого разума была центральной в последующем рациональном представлении мира.

В отличие от тигра и льва, кошки характеризуются как ленивые, нежные, скрытные животные: *Мәче майны сакламый* (3355) // Кошка масло не сбережет; *Мәче, үзе йокласа да, күсене күрә* (3363) // Кошка хотя и дремлет, но мышей

видет; *Сыйпаганны песи дә ярата* (3378) // Кошки любят, когда их гладят. Собаки бывают разные, об этом упоминается и в паремиях. Самые распространенное деление собак по свету шкуры: **ак**// белая и **кара** //черная. Очень часто они противопоставляются друг-другу: *Ак эт баласе кара эткә* (3439)// Беда белой собаки – черной; *Ак эт урлаган, кара эт тамга алган* (3441)// Белая собака украли, черная проклята. Так же используются и следующие прилагательные: **яшь**// молодая – **карт** // старая, **котырган** //бешенная, **куркак**//пугливая, **симез**//ожиревшая, **усал** // злая, **хужасыз**//бездомная, **ялгыз**//одинокая, **яман**//плохая – **яхшы**//хорошая. *Усал эт арттан килеп өрми кабар* // Злая собака сзади без лая укусит; *Ач эт каты тешләр* (3457)// Голодная собака сильно укусит; *Котырган эт айга сикерә* (3500)// Бешенная собака на луну прыгает; *Баләкәй генә эт күккә карап өрә* (640)//Только маленькая собака лает на небо и т.д.

Как видно из примеров, действия собак и кошек, в основном, зависит от отношения к ним со стороны, т.е. от отношения людей. Поэтому они могут быть и хорошими, и плохими.

В татарской паремиологии можно увидеть след языкового табу, связанное с названиями животных. Табу, т.е. языковые запреты, - слова, которые при тех или иных условиях не произносятся по различным соображениям. По словам Д.К. Зеленина, у тюрков много подставных имен, основанных на вере в магическую силу слова. В этих случаях подставные слова подбираются так, чтобы их содержанием воздействовать на неназываемое существо в желательном для человека направлении [Зеленин Д.К. 1929:8.] Например, во многих местностях татары при встрече со змеей обращаются к ней словом **камчы** //плеть, после чего она, якобы, будет лежать спокойно, как плеть. Существует также запрет произносить слово заяц “куян” в присутствии ягнят и овец, отчего последние будто бы заболевают и мрут. Во избежание этого, принято было употреблять подставные названия зайца: кыр тәкәсе “полевой баран”, озын колак “длинноухий”, чал тәкә “седой баран”, прих и кыртый .

О том, что татары серьезно относились к табу слов, говорит и такой факт: в языке паремий, и не только, сохранились правила, обучающие приемам табуирования слов и названий. В них дается ответ на следующие три вопроса: по какой причине нельзя называть предмет или существо своим именем, каким подставным словом нужно заменить или на каком основании? [Махмутов 1995: 30]. Такие подставные имена используются как синонимы основных названий существ и достаточно прочно вошли в лексический фонд татарского языка. В переводе на русский язык в них теряются некоторые нюансы, связанные с основой табуированного слова. Например, Змея заменяется на *червь (корт)* – от татарского глагола *кору* // засохнуть или на *чирей* - прыщ (**бетчә**) от глагола *бетү* // кончатся; клоп – мякина (**кибәк**) – от глагола *кибү*// сохнуть и т.д.

<i>Жылан дисәң – жылата,</i>	Назовешь змеей – заставит
<i>Камчы дисәң – тик ята (10065)</i>	плакать,
<i>Кандала дисәң – кадала,</i>	Назовешь плетью – лежит
<i>Кибәк дисәң – кибә (10054)</i>	спокойно.
<i>Юл өстендә майлы каеш (543) –</i>	Назовешь клопом – всасывается,
елан	Назовешь мякиной – высыхает.
<i>Чал тәкәдә мөгез юк (586) –</i>	На дороге масляный ремень
куян)	(змея)
	У седого барана рогов нет (заяц)

Такие замены часто используются в загадках, так как в их основе лежит иносказание, в формулировке – ритмизация и рифмовка.

Во многих паремиях встречаются названия домашних птиц: **тавык**//курица, **этәч** // петух, **чеби** // цепленок, **үрдәк** // утка, **каз** // гусь, **күркә** // индюк. Они так же как и животные, характеризуются исходя из внешних качеств и качеств поведения. Например, курица считается тупой птицей, но хранительницей семейного очага, занимающейся кропотливой работой; петух – глава семейства, хвостливый, драчун; утка - болтливая, не имеющая особой важности, пугливая; гусь – символ крепкой семьи, важная птица; индюк – любящий себя, важный. *Кеше тавыгы каз кебек, йомыркасы баш кебек (4280)*//

Чужая курица как гусь, а яйца в размер головы; *Тавык белгәннен кычкырыр (4301)* // Курица что знает, то и кричит; *Күрше тавыгы күршегә күркә булып күренә (4292)* // Соседская курица соседу кажется индюком; *Кечкенә булсаң да, этәч бул (4370)* // Хотя и мал, будь петушком; *Тумаган тавыкны ашыйлар (1409)* // Не вылупившую курицу едят; *Йортым тулы ак тавык, Уртасында кара тавык (1786)* // Целый дом белых кур, а в середине черная курица.; *Этәч – уз чүплегендә патша (4381)* // Петух на своей мусорке царь; *Этәч белән сука сөрмиләр (4391)* // петухом не пахут; *Бүрәнә аша ике этәч сугыша (1699)* // Через бревно два петуха дерутся; *Кечкенә этәч тау шуа (3337)* // Маленький петух на горке катается; *Этәчнең күрке – кикриге дә койрыгы (4384)* // Красота петуха это - гребешок и хвост; *Балалы үрдәк күлдән китмәс (4402)* // Утка, имеющая утят, созера не уйдет; *Үрдәк суда үлми (4426)* // Утка в воде не тонет; *Балалы казга жим тимәс (4234)* // Гусю, имеющего гусят, корма не хватит; *Ялгыз казның тавышы чыкмый (4254)* // Одинокого гуся голос не слышен; *Кабарыну – күркә гадәте (4259)* // Хвалиться – привычка индюка; *Күркә жылга симерә (4264)* // Индюк на ветру толстеет и т.д.

Что касается названия других птиц, то самыми часто встречающимися в паремиях являются **карга** // ворона, **карлыгач** // ласточка, **карчыга** // ястреб, **сандугач** // соловей, **торна** // журавль, **чыпчык** // воробей, которые обитают на территории проживания народа. При этом характеристика для них во всех жанрах однозначна: ворона – птица не любимая, приносящая только вред; ласточка – приносящая радость, весну; ястреб – угроза; соловей – певец души, символ грусти о свободе. *Сандугач – читлектә, карга – иректә (4102)* // Соловей в клетке, а ворона на свободе; *Козгын яу башлар, яуга карга иярер (4037)* // Ястреб войну начнет, а вороны присоединятся; *Очканда карлыгач очар, сайраганда – сандугач (4023)* // Ласточка для полета, в пении - соловей; *Карга күзе төшкән орлык шытмас (3956)* // Семена, увиденные воронами, не срастется; *Баләкәй генә чыпчык, Алтын челтәр, Бохар итәр (1025)* // Маленький воробей, Золотая сетка, сделает Бухарой; *Үзе кара – карга түгел, Мөгезе бар – үгез түгел, Алты аягы бар – тояксыз (1097)* // Черная – не ворона, с рожками –

не бык, с шестьб ножками – без копыт; *Авыл тирәсендә аккош оялары (1928)* // Вокруг деревни вороньи гнезда; *Өстә дә кү-кү, Аста да кү-кү, Уртасында сандугач (1618)* //Ина верху ку-ку, и с низу ку-ку, по середине соловей; *Өй эчендә тургай уйный (1679)* //В доме жаворонок играет; *Мәскәүдән килгән былбыл, Аягында чылбыр (2566)* // Из Москвы прилетел соловей, на ножках цепь .

Птицы с неприятными, жуткими голосами издревне вызывали у тюрков суеверный страх. Вороны, совы и другие птицы с ужасными голосами были предметом дурных примет, что нашло отражение и в татарских поверьях, приметах, пословицах и поговорках. Например, *Козгын кычкырса, авылга бала килә (19178)*// Если ворона каркает, то в деревню придет беда; *Карчыга авызыннан ит кире чыкмый (4027)* //Из уст орла мясо обратно не выпадет; *Мәче башлы ябалак кычкырса, ашлык начар булыр* // Если кричит сова, урожай будет плохим.

Сова, естественно, кричит всегда, и это к урожаю никакого отношения не имеет. Но зловещий голос этой птицы вызывал у людей суеверный страх, предчувствие беды. Беда же для хлебороба обычно представлялась в виде неурожая, голода.

Живую природу характеризуют также и названия деревьев, растений. Употребление наименований растений довольно часто встречается в паремиях. Это объясняется тем, что человек отражает в речи и возводит в установившиеся языковые формы то, что касается непосредственно окружающей его реальности. Лексико-семантическое поле «растения» включает в себя довольно обширный материал, однако концепт «дерево» занимает значительное место в сознании носителей языка. Такой вывод был сделан в связи с частой встречаемостью паремий, включающих названия деревьев. Ведь каждый народ образует концепты важных для него фрагментов действительности. При изучении фактического материала выделилась группа деревьев, наиболее часто встречающихся в паремиях и, соответственно, имеющих наибольшую значимость для носителей языка.

Из словарных толкований можно выделить следующие семы в значении слова дерево: 1) растение; 2) высокое; 3) многолетние; 4) с высоким стволом; 5) с ветвями, произрастающими на некотором расстоянии от земли; 6) с листьями.

Человек видит деревья на протяжении всей своей жизни. Они являются неотъемлемым элементом окружающей нас действительности. И это не может не отражаться в деятельности человека. Слово «дерево» в паремиях ассоциируется как с человеком в целом, так как имеет общие черты проживания в природе, или же с определенными качествами человека - как материал. Например, *Агач аерым үссә да, тамыры бер (1646)* // Деревья хотя и растут порознь, корень один; *Агач яфрагы белән матур, кеше – эше белән (1656)* // Дерево красиво листьями, человек – делом; *Агач чыбык чакта бөгелә (1654)* // Дерево гнется, когда еще ветка (молодое); *Агачның биегенә, имәннең ныгына асылын (1667)* // Повисни на дереве высоком, на дубу – крепком и т.д.

Все эти примеры, список которых может продолжаться до бесконечности, показывают, насколько глубоко вошел образ «дерева» в нашу повседневную жизнь, и можно трактовать значение данных пословиц как характеристику человека, его поведения. Очевидно, эти примеры несут в себе как эксплицитный, так и имплицитный смысл. Человек, находящийся на верхушке дерева занимает физически высокую позицию относительно земли, в то же время он может видеть с этой позиции больше и дальше, так же как и окружающие могут хорошо видеть его. Отсюда в сознании людей актуализировалась сема высокого положения.

В татарской паремиологии нашли отражение названия таких деревьев и кустарников как: **имән**//дуб, **усак**//осина, **каен**//береза, **чикләвек куагы** //орешник, **тал** //ива, **нарат** //сосна, **юкә** // липа. Однако употребляются они в разных жанрах по-разному, в загадках - реже, а в приметах и пословицах – чаще.

Имән // дуб ассоциируется как дерево с твердой древесиной, распространенное во многих регионах мира. В сознании носителей татарского языка дуб считался мощным, сильным и внушительным деревом, нередко

сравнивался с ним человек, обладающий такими же качествами. Дуб - дерево мудрости и силы. У него есть способность срастаться ветвями с себе подобным и некоторыми другими деревьями. Древесина дуба не только хорошо сохраняется сама, но и сохраняет в себе заклятья и магические сплетения, созданные при обработке. Также для татар особое значение имеет его прочность, надежность, на что акцентируется и пословицах: *Иман агач - каты агач, каен агач – чырагач (1725)*//Дерево дуб – прочное дерево, береза – полено для лучин; *Имәндә алма үсми (1729)* // На дубу яблоки не растут. А в примере *Иманнең иелгане – сынганы (1726)* // Сгибать дуб – его сломать выделяется значение «негибкий».

Нередко такие качества как прочность и негибкость, свойственные дубу, повторяют характеристики медведя, что сближает этих представителей живой природы.

В фольклорных текстах **усак**// осина характеризуется как дерево с листьями, трясущимися от малейшего ветра. Например,

<i>Усак башында ботак,</i>	На верхушке осины – ветвь,
<i>Ботак башында сабак,</i>	На верхушке ветви – стебель,
<i>Сабак башында ал-кызыл,</i>	На верхушке стебля – розовое-красное,
<i>Зәңгәр чәчәк ата (816)</i>	Синим цветком цветет.

Осину можно было бы сравнить с пугливым зайцем, так как олицетворяет общее свойство – страх. *Усак агачы көндәшле хатыннар шикелле: жылсез көндә дә кыймылдап тора (1759)* // Осина как женщины с соперницами: и в безветренной день трясется. Из этого примера, где говорится о факте многоженства, можно узнать про жизнь жен, проживающих с соперницами.

Каен // береза - дерево с гладким стволом, с тонкими ветвями. *Каен төбенә тал чыкмый(1736)* //Под березой ива не вырастет; *Ак каеннар артында эт өрә (1793)*// За белыми березами собака лает; *Ак каенда сары билбау (1823)* // На белой березе желтый пояс. **У татар в быту особое место занимает береста для рабзжигания** огня, что выделяется и в исследуемых текстах: *Каен*

тузы юеш булмый (1734) // Береста не бывает мокрой; Каенның тузын макта, имәннең үзен макта (1734) // У березы хвали бересту, а дуба хвали самого.

Береза несет в себе и отрицательную окраску со значением “разлучница, приносящая горе”. Например, существует такое поверье - *Өй янына каен утыртсаң, кайгы килер (18143) // Если посадишь березу около дома - придет горе.* Компонент “каен” используется и в сочетании реалий “каенана // свекровь, каената // свекр, каенагай // шурин” и т.д., которые якобы являются разлучниками невесты с ее семьей. Во многих пословицах данные лица характеризуются с отрицательным оттенком, так как во многих семьях были натянутые отношения между свекровью и невесткой: *Каенана белән кандалага дару юк (14603) // От свекрови и клопа нет лекарства; Кайгысы юк каенанасы өчен кайгырыр (14616) // У кого нет горя, тот погорюет за свекровь.*

Так же в паремиях существуют определенные характеристики и для других деревьев. **Юкә** // липа – символ источника исцеления, лекарства; **чикләвек куагы** // орешник – показатель плодородства; **тал** // ива – символ красоты фигуры, стройности и гибкости и женщин, **нарат** // сосна – показатель стройности у мужчин; **алмагач** // яблоня – символ полезности, красоты; **миләш** // рябина – бесполезной красоты, горести. Например, *Юкәдә жиде хасият (1765) // В липе семь исцелений; Чикләвек жыйганда жыләккә бармыйлар (1764) // Когда собирают орехи, за ягодами не ходят; Талны чыбык чагында бөгәләр (1751) // Иву сгибают когда молодая; Нарат – башыннан, имән – төбеннән корыр (1746) // Сосна – от головы, дуб – от корня высыхает; Юл буенда **нарат**, **Нарат саен оя, Оя саен йомырка (827) // По дороге сосна, На каждой сосне гнездо, На каждом гнезде по яйцу; Алмагачны ашласаң, тәмле алма ашарсың (1794) // Если дашь прикорм яблоне, будешь есть вкусные яблоки; Чәчәге агачында, алмасы тамырында (900) // Цветок на дереве, а яблоки в корне; Миләштән бәләш салмыйлар (1811) // Из рябины пироги не пекут; Миләш дигән жимеш авыздан – су, күздән яшь китерер (1810) // От рябины слюнки потекут, и слезы пойдут. и т.д.***

Таким образом, можно сделать вывод, что носители языка отмечают наиболее характерный признак того или иного обитателя живой природы дерева и именно это значение отражают в паремиях. Некоторые из них были сформировались исторически, значение их было переосмыслено, модернизировано в соответствии с изменениями в обществе и жизни страны, но общий смысл сохранился и легко трактуется из-за общеизвестности данной реалии. Интересно и то, что одни и те же характеристики часто повторяются, что подтверждает тесную взаимосвязь флоры и фауны с жизнью людей.

Как видно из примеров паремии характеризующие природу очень разнообразны. В зависимости от ключевых слов, полностью меняются их значения. Количество афористических текстов с лексемами описания природы довольно велико. Они служат для описания самых различных явлений и ситуаций в жизни человека. Это говорит о том, насколько данное понятие важно для носителей языка.

Было очень интересно обнаружить, что, порой одно и то же природное явление, зооним или фитоним в текстах паремий использовались совершенно с противоположным значением. Однако встречались и абсолютно идентичные паремии с разными компонентами живой или неживой природы с выделением на первый план одного и того же наиболее характерного признака. Разногласия, видимо, связаны тем, что у людей по одному и тому же явлению могут существовать различные мнения по отношению к нему. Это зависит от времени высказывания, личной симпатии или антипатии и т.д., так же различной степени важности этого «существа или предмета» для носителя языка.

Исследования доказали, что зоонимы и фитонимы представляют собой значительный в количественном и качественном отношении корпус паремиологической лексики татарского языка и играют особую роль в создании паремиологической картины мира. Обращает на себя внимание наличие значительного количества фрагментов паремиологической картины мира, характеризующих человека ("волосы", "лицо", "конечности", "полнота" и т. д.). Однако имеет место и явление так называемой двойной

концептуализации, когда одна и та же паремиологическая единица может принадлежать двум или нескольким кластерам. Например, паремия "Ялгыз агач жилдэ тиз сына" (1712) // Одинокое дерево на ветру быстро ломается, которая обозначает «необходимость единства» и «описание дерева».

Выявлено: в татарской паремиологии высоко оценивается свобода личности, единство, старательность и трудолюбие, храбрость. Однако в паремиях говорится и о покорности судьбе, зависимости от Всевышнего и капризов природы.

Таким образом, передаются национальные свойства татарского народа через паремия, которым издревле была присуща высокая художественность, что создавалось разнообразными средствами и приемами лингвистической поэтики. Богатство изобразительных и выразительных средств, изящная стихотворная форма афористических произведений усиливает степень эмоционального воздействия их на слушателя, а также способствует быстрому запоминанию и прочному удержанию текстов памяти, что немаловажно для сохранения национального менталитета.

Литература

Зеленин Д.К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. // Сборник музея антропологии и этнографии. – Т. VIII. – Л., 1929. С. 1-8
Курбатов Х.Р. Татарская лингвистическая стилистика и поэтика 1995 87

Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание: Избранные работы. - М.: Просвещение, 1977. - 224с.

Махмутов Х.М. Афористические жанры татарского фольклора: Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора филологических наук/ АН ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова. – Казань, 1995. – 76 с.

Урманчеев Ф. И. По следам белого волка: Ранние этно-культурные связи тюрко-татарских племен. - Казань: Тат.кн. издат., 1994. С. 72